

Время, с которого лицо считается совершившим преступление, является момент совершения им общественно опасного деяния. Заблуждение лица, осуществляющего задержание, относительно истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности не должно служить основанием привлечения его к уголовной ответственности за превышение мер необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

В юридической литературе не сложилось единого мнения относительно момента окончания права на задержание лица, совершившего преступление. Так, Л.Н. Смирнова считает, что у граждан право на задержание существует только тогда, когда лицо застигнуто на месте совершения преступления или непосредственно после его совершения. Обосновывая это тем, что в иных случаях задержание приводит к нарушению права граждан на неприкосновенность, так как велика ошибка в личности задерживаемого лица¹. По нашему мнению, такая точка зрения не учитывает следующие обстоятельства, во-первых, необходимость задержания лица, которое объявлено в розыск и информация о нем, его фоторобот размещен во всех открытых источниках. Во-вторых, задержание и причинение вреда лицу, которое преступление не совершало, необходимо

рассматривать с позиции ошибки в личности задерживаемого лица, а не с позиции временных пределов.

В данном вопросе мы больше всего разделяем позицию А.П. Дмитренко, который отмечает, что не существует временных рамок прекращения права на задержание лица, совершившего преступление. Так, как даже после истечения сроков, установленных ст. 78 УК РФ лицо, совершившее преступление должно быть доставлено в государственные органы для оформления процессуальных документов².

Таким образом, право на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, ограничивается временными пределами. Так, право на задержание возникает не только с момента совершения окончательного преступления, но и с момента совершения действий неоконченного преступления. Кроме того, право на задержание может возникать и прекращаться, когда наступает или прекращается право на необходимую оборону. Временем окончания права на задержание необходимо считать только тот момент, когда задержанное лицо передано в соответствующие органы власти, независимо от того истекли ли или нет сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Кравченко И.О.,

кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

РЕАЛИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ПОДХОДА К НАКАЗАНИЮ В САНКЦИЯХ ГЛАВЫ 26 УК РФ

Альтернативный подход к назначению наказания позволяет реализовать принцип справедливости, найти то наказание, которое в полной мере будет соответствовать указанным в законе критериям ее определения. Именно возможность выбора видов наказаний является залогом дифференциации, индивидуализации и достижения целей наказания. Соблюдение нравственных начал при определении меры ответственности за

совершенное преступление является гарантом обеспечения безопасности общества в самом широком смысле слова. Не случайно в юридической литературе в настоящее время популярность приобретает вопрос об определении нравственных начал при дифференциации уголовной ответственности³. Все эти общие постулаты становятся, по сути, аксиомой при разработке средств обеспечения отдельных видов национальной безопасности.

¹ Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. С. 160.

² Дмитренко А.П. Объективные и субъективные критерии определения временных пределов права на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 97.

³ Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности: нравственные основы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 238-245.

Таким образом, пенологические средства обеспечения экокriminalогической безопасности должны строиться на соблюдении указанных идей. Законодательный подход к дифференциации уголовной ответственности за экологические преступления представлен в санкциях главы 26 УК РФ. Данная глава предусматривает 52 санкции. Примечательно, что одна шестая санкций данной главы (17,3%) являются безальтернативными – это ч. 3 ст. 247; ч. 2, 2.1, 3, 3.1 ст. 258.1; ч. 3-6 ст. 260.1 УК РФ. Необходимо отметить, что в данном случае под безальтернативностью санкций понимается отсутствие возможности выбора вида основного наказания. Хотя в юридической литературе представлено мнение о том, что в данных санкциях альтернатива все-таки закреплена, и заключается она в возможности выбора размера наказания в предложенном виде¹. Думается, что такое расширительное толкование рассматриваемого понятия, безусловно, имеет право на существование, но содержит существенный недостаток в виде утраты важных нюансов. Избирательность здесь сосредоточена исключительно в пределах одного показателя и поэтому полноценным, качественным выбором не является. В связи с этим традиционный подход к пониманию видов санкций в зависимости от возможности выбора основного наказания представляется предпочтительным.

Надо признать, что все эти преступления, за совершение которых законодатель установил безальтернативную санкцию, относятся к категории тяжких преступлений, единственное наказание за которые установлено в виде лишения свободы. Категория преступлений несколько сглаживает остроту проблемы. Соответственно, у суда отсутствует выбор вида наказания при привлечении виновных к уголовной ответственности за совершение указанных преступлений, а индивидуализация наказания может проявиться лишь в вариативности срока. При этом возможности учета критериев, характеризующих справедливость наказания, в таком варианте крайне ограничена. Если характер общественной опасности деяния – это константа, фактически определенная законодателем, то степень общественной опасности, обстоятельства совершения деяния и характеристики личности виновного – факторы, которые могут оказать

существенное влияние на оценку соответствия конкретной ситуации и избранного в данном конкретном случае наказания. Оптимизация уголовной ответственности при отсутствии выбора вида наказания ставится под сомнение.

Вместе с тем одна пятая санкций уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за экологические преступления (21%), предусматривает альтернативу при выборе основного наказания, однако выбор этот сводится к варианту – «одно из двух». В частности, санкции ч. 3 ст. 250, ч. 3 ст. 251, ч. 3 ст. 252, ч. 3 ст. 253, ч. 3 ст. 254, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 1.1 ст. 258.1, ч. 2 ст. 260.1 и ч. 3-4 ст. 261 УК РФ построены по такому принципу. При этом более половины указанных санкций представляют суду выбор между принудительными работами и лишением свободы на определенный срок, что в полной мере согласуется «лестницей наказаний». Кроме того, законодатель позиционирует принудительные работы именно в качестве альтернативы лишению свободы, поэтому такой вариант построения санкций никаких вопросов не вызывает.

Проблема в том, что четыре санкции главы 26 УК РФ (что составляет 7,7% от общего количества санкций данной главы), построены по принципу «одно из двух» и предлагают суду альтернативу при назначении наказания за экологические преступления в виде штрафа или лишения свободы на определенный срок. Такой вариант вызывает недоумение. Ведь перед судом стоит дилемма – назначить за данное экологическое преступление самое мягкое наказание, установленное действующим уголовным законом, или применить одно из наиболее репрессивных наказаний. Такая вариация на тему справедливости наказания выглядит крайне сомнительно.

Кроме того, признать предложенный вариант полноценной альтернативой не представляется возможным в силу неравноценности вариантов. Причем, неравнозначность в данном случае носит сложный характер – наказания глобально отличаются как по тяжести, так и по ореолу применения, что исключает реальность выбора. Проблема в том, что лишение свободы не имеет ограничения по применению в отношении каких-либо категорий лиц. А штраф – это наказание, которое

¹ Липинский Д.А. Альтернативные санкции: проблемы понимания и парности с безальтернативными санкциями // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 26.

назначается с учетом имущественного положения самого осужденного и его семьи. Таким образом, применение лишения свободы не ограничено субъективными категориями, а назначение штрафа зависит от характеристик личности экологического преступника. Решение законодателя при дифференцировании уголовной ответственности за указанные экологические преступления ориентироваться на имущественный статус осужденного спорно. Это подвергает сомнению нравственную составляющую справедливости, вызывает отторжение в обществе. Именно на этой почве рождаются анекдоты, демонстрирующие отрицательную оценку двойственного подхода к наказанию богатых и малоимущих, совершивших одни и те же преступления.

Проблема осложняется тем, что все составы экологических преступлений, наказываемых с использованием альтернативы «штраф или лишение свободы» являются квалифицированными и особо квалифицированными. При этом половина рассматриваемых преступлений относятся к категории средней тяжести – ч. 3 ст. 256 и ч. 2 ст. 258 УК РФ, а вторая половина (ч. 3 и 4 ст. 261 УК РФ) – это тяжкие преступления. Думается, что сама постановка вопроса о назначении самого мягкого вида наказания, предусмотренного действующим уголовным законом за тяжкие преступления, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах, свидетельствует о слабой проработанности вопроса о дифференциации ответственности и нарушает принцип справедливости.

Вместе с тем в самом общем виде портрет экологического преступника

демонстрирует характеристики, не позволяющие масштабно задействовать штраф. На основе официальных данных подавляющее большинство лиц, совершающих экологические преступления – это жители сельской местности, трудоспособные, но не работающие или не имеющие определенных доходов¹, низкий имущественный статус которых очевиден. Применить к данным лицам штраф в размере соответствующим степени общественной опасности совершенного экологического преступления с отягчающими или даже особо отягчающими обстоятельствами невозможно. Напрашивается вывод, что фактически у суда альтернативы в рассматриваемом варианте нет, она лишь декларируется.

Таким образом, на самом деле четверть санкций главы 26 УК РФ не предоставляют суду выбор основного наказания при привлечении виновных за совершение экологических преступлений к уголовной ответственности, закрепляя единственный вариант решения данного вопроса в виде назначения лишения свободы на определенный срок. Процесс назначения наказания, безусловно, сложный, требующий колоссальных усилий судьи. Назначение наказания строится на проявлении мастерства и профессионализма судьи, ведь сущность данной работы заключается в преодолении неопределенности². Если даже не вдаваться глубинно в дискуссию о роли судебного усмотрения при назначении уголовного наказания, необходимо отметить, что в сфере уголовно-правовой охраны природы мнение суда при выборе вида наказания минимизировано настолько, что сама идея о справедливости ставится под сомнение.

Сibaгатуллин Ф. Ф.

Уфимский юридический институт МВД России

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ БОЛИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРИЗНАКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 116.1 УК РФ

Статья 116.1 УК РФ устанавливает ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших

последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, лицом, подвергнутому административному

¹ Отчета о составе осужденных, месте совершения преступления (за 2019–2023 гг.). Судебный департамент при Верховном Суде РФ. 2024 г. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.11.2024).

² Чукин Д.С. Судейское усмотрение как способ преодоления неопределенности в праве // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. Т. 6. № 5 (92). С. 99.